

## Никита Карбасов

**Xenia A. Cherkaev. Gleaning for Communism: The Soviet Socialist Household in Theory and Practice. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2023. 210 pp. ISBN 9781501770302.**

*Никита Карбасов, независимый исследователь. nak2170@columbia.edu.*

Книга Ксении Черкаев вписывается в направление исследований советского, занимающих промежуточное положение между антропологией и историей (Golubev 2020; Oushakine 2014, 2019; Yurchak 2006 и др.), в академические дискуссии вокруг советской экономики и ее повседневности, взаимоотношений с государством. Если на сегодняшний день доминирующий подход в изучении советской экономики – это призма либерализма (публичное/частное), то работу Черкаев отличает взгляд через оптику хозяйства (личное/социалистическое). Первый подход ведет к последовательному скептицизму по отношению к случаям проявления «неформальной экономики», приписывая им черты коррупции, мотивацию скрытой корысти и торга (Ledeneva 1998). Черкаев, в свою очередь, отказывается от атрибуции «личного» как «частного» и вслед за своими собеседниками наблюдает во взаимоотношении с личным и социалистическим хозяйством отражение особого коллективного этического порядка советской экономики.

Одной из первых трудностей, возникающих при знакомстве с этой книгой, является перевод названия на русский язык. С одной стороны, напрашивающийся вариант перевода – «Собирательство для коммунизма: Теория и практика советского социалистического хозяйства». С другой стороны, понятие «собирательство» отсылает читателя к архаичным «охотникам и собирателям» и тем самым подчеркивает пищевой аспект *собираемого*<sup>1</sup>. Безусловно, зерна и колоски, будь то упавшие на землю зерна из книги Левит (19:9–10) или колоски из трагически знаменитого указа ЦИК СССР 1932 года, являются важным элементом в работе Черкаев, но не единственным.

В качестве музыкального эпиграфа (аккомпанемента) к введению Черкаев выбирает несколько строк из песни Виктора Цоя: «Нет дома, никого нет дома. Я лишний, словно куча лома», переводя «лишний» как *leftover* (с. 1). Именно истории излишков и остатков стали для автора «путеводителями» при изучении феномена социалистического хозяйства. Один из парадоксов заключается в том, что зачастую остатки были запланированными: они появлялись как следствие недостаточной стабильности плановой экономики, и разбирались с ними рачительные хозяева (с. 22).

---

<sup>1</sup> Интересно, что согласно определениям, собирательство «наряду с охотой и рыболовством было одной из важнейших отраслей *присваивающего хозяйства*» (курсив добавлен). Быть может, именно понятие «присваивающее хозяйство» довольно точно передает проблематику исследования.

Во время полевой работы в Петербурге и его окрестностях в 2010-е годы Черкаев заинтересовали сюжеты, связанные с самодельными предметами, изготовленными из промышленного сырья, которое было незаконно получено («вынесено») с советских предприятий. Из добытого *правдами и неправдами* разнообразного сырья собеседники Черкаев делали туристическое снаряжение, кухонную утварь, баки, фляги, ножи, надгробия и самогонные аппараты, а главное – делились и обменивались этими изделиями. Автор предлагает читателю прочтение феномена «несунов», которые забирали с заводов металл и другие материалы, пользовались электричеством и станками для изготовления изделий, предназначенных для личного пользования и тому подобное, как особого этического кода, вшитого в политэкономии, режима коллективной этической правды, созданного советской системой. Для исследования этой правды Черкаев обращается как к идеологам и теоретикам, так и к историям «снизу» – историям людей и предметов.

Отправной точкой для Черкаев становится та самая «правда», с которой выносятся «излишек» с завода (этическое обоснование собеседников). Казалось бы, эта «правда» – попытка объяснить неправду, стремление объяснить себе и окружающим участие в теневой экономике. Однако Черкаев предлагает мыслить иначе: государственная идеология «товарищеской взаимопомощи» давала советским людям морально-этические категории, для того чтобы по умолчанию оправдать все те спонтанные, авральные, незапланированные и не всегда законные сделки, без которых советская плановая экономика неминуемо застопорилась бы и встала. Структура рецензируемой книги соответствует разным пластам формирования и применения этой идеологии.

Первая глава наиболее этнографична, она знакомит читателя с собеседниками Черкаев, вспоминающими «подвиги прошлого». Комментируя и анализируя эти рассказы, автор работы уделяет особое внимание напряжению между понятиями «частная выгода» и «личный вклад», а также позиционированию рассказов относительно советской хронологии.

Во второй главе автор обращается к архивным материалам для исследования становления в 1930-е годы советского правового поля, в котором формулируются различия между «частной», «личной» и «социалистической» собственностью. По мнению Черкаев, на начальном этапе своего формирования (1920–1930-е годы) социалистическая экономика определяла общественную собственность через противопоставление частной собственности в капитализме.

Третья глава посвящена юридическим преобразованиям времен оттепели. Особое внимание Черкаев уделяет «чувству локтя», формированию товарищеского духа как этического императива, обеспечивающего благополучие советского общества и экономики. Проследившая формирование данной нормы как в юридическом, так и медийном пространстве, Черкаев показывает, как «чувство локтя» становится даже более ценным, чем «буква закона».

Наконец, четвертая глава посвящена горбачевскому периоду, формированию моральной логики, способствующей реанимации «чувства хозяина». Спасение утопающей экономики становится делом каждого советского человека; инициативу – вместо того, чтобы наказывать – начинают поощрять.

Концепты «хозяин» и «хозяйство» и нюансы их значений по отношению к смежным понятиям являются одной из смыслообразующих интриг для всей работы Черкаев: «Чтобы понять эту особую логику, необходимо сравнить три современных русских термина собственности: “владелец”, который подчеркивает владение; “собственник”, подчеркивающий собственность; “хозяин”, подчеркивающий управление» (с. 75). Отталкиваясь от примера отношений собаки и человека, Черкаев выделяет аспект власти и этических обязательств, которые присутствуют в концепте «хозяин», но отсутствуют в более нейтральных и бюрократических терминах «владелец» и «собственник». Именно «хозяин» (и производные от этого слова) проливают свет на социально-этические стороны взаимоотношений людей и животных, людей и предметов, людей и государства, людей и социалистического хозяйства: «“Надеюсь, вы не возражаете, что я здесь хозяйничаю”, – может сказать свекровь, врываясь к вам на кухню и приступая к переустройству кладовки» (с. 75).

Автор также прослеживает постепенное расхождение терминов «хозяйство» и «рынок»: если в древнегреческом слове οἶκος («экономика») эти понятия были соединены, то к XX веку они становятся «знаменами» двух противоборствующих экономик (неолиберализма и социализма) с присущими им правовыми и этическими режимами, направленными на решение проблем мирового масштаба. В этом смысле работа Черкаев предлагает новую трактовку истории становления неолиберализма через его «отражение».

Книга отправляет читателя по пути, полному концептуальных пересечений, перекрестков и тупиков. По меткому выражению Черкаев, «грань между заводом и домашним хозяйством, формальным и этическим, публичным и частным несоизмерима тонка» (с. 21).

Вот лишь некоторые из концептуальных «перекрестков», которыми оперирует автор в исторической этнографии позднего социализма: «коррупция» и «закон», «политическое» и «этическое», «социалистическое» и «коммунистическое», «советское» и «российское», наконец, «прошлое» и «настоящее». Однако работа автора с концептами не ограничивается бинарными оппозициями: напряжение, которое является ключевым предметом анализа Черкаев, зачастую находится между элементами, составляющими треугольники (тернарными) – «собственность», «владение» и «управление»; «правила», «ответственность» и «обязательства» и т. п.

Работа с концептуальными понятиями в книге «Собирательство для коммунизма» представляет собой яркий пример исследования, когда теория не вводится в материал извне, а, наоборот, происходит из самого материала. Причем как из этнографических, так и из архивных источников. Так, например, звучит цитируемое автором высказывание советского юриста Андрея Вышинского: «Личная собственность в СССР не может быть противопоставлена коллективной собственности. Одна другой не противоречит, обе гармонично сочетаются» (с. 20). Казалось бы, как частное не может противоречить коллективному и гармонично с ним сочетаться? Ответ находится в историях, собранных Черкаев спустя десятилетия, значительно позже того, как были провозглашены доктрины советских правоведов 1930-х годов: коллективизм породила плохо налаженная система планового хозяйства.

Еще одной важной линией в размышлениях автора является тема взаимопомощи. Так, например, одна из собеседниц Черкаев приходит на встречу с представителем компании, оказывающей коммунальные услуги, и жалуется на «нестыковки» в счетах за электричество: у матери собеседницы Черкаев суммы в счетах были в десять раз меньше. Рассказчица знает, что ее мать обхитрила коммунальщиков и, с одной стороны, хочет теперь исправить ситуацию так, чтобы начисления были верными, «жить честно», а с другой стороны, она не справляется с оплатой больших счетов за электроэнергию (и не сможет оплатить долг после перерасчета, если его произведут), так как на ней еще и забота о престарелом родственнике. Конфликт разрешается тем, что представитель управляющей компании сам предлагает решение: «Сходите и купите новый счетчик, а я передам всю необходимую информацию нашим парням – они придут и помогут его установить. Когда к вам придет инспектор и спросит про изменения в показаниях, скажите, что Вы не знаете, в чем дело, что мама недавно умерла и что Вы понятия не имеете, что происходило с документами». (с. 6). Этот отрывок примечателен: он демонстрирует многогранность взаимопомощи. Это не взаимопомощь, ограниченная исключительно горизонтальными связями, это не взаимопомощь, происходящая из совместного желания обмануть государство. Взаимопомощь может «случаться» и горизонтально, и вертикально, и даже диагонально. Работа показывает, как этическое пускается в сложные переплетения с политэкономией.

Работа Черкаев приближает нас к пониманию феномена советского человека: его агентности и роли в функционировании государства. Поднимая вопрос отношения к личной и общественной собственности, автор открывает целый спектр проблем, связанных с внутренней моральной логикой человека в позднем Советском Союзе и современной России. Так, например, вопрос распределения остатков заводского производства, появившихся вследствие недостаточной стабильности планирования, перекликается с сюжетами из современности (чему посвящено послесловие в рецензируемой книге) и другими исследованиями Черкаев.

Еще одна линия анализа исследования сформулирована следующим образом: «Почему люди в России 2010-х годов рассказывают о прошлом так, что это часто противоречит фактической правде хронологии?» (с. 28). Черкаев не утверждает, что собеседники невежественны и путаются в хронологии, принятой историками. Она обращает внимание на то, что многие «советские» вещи, о которых рассказывали ей друзья, были сделаны после 1991 года (то есть после распада СССР), но все еще понимались как принадлежащие советской эпохе. Анализируя эту особенность, Черкаев полагает, что перестройка или «распад Союза» наполнились скорее эмоциональным, чем хронологическим значением. Они связываются с определенным типом взаимоотношений: так, в записанных автором книги нарративах именно перестройка связывается со временем коллапса системы и усилением «своих» отношений между людьми, необходимых чтобы справиться с материальными проблемами, созданными самим социалистическим хозяйством («мы все жили как одна семья» (с. 34)). В то же время интересная связь между временем и эмоцией выглядит в тексте несколько отстраненно по отношению к доминанте исследования.

Наконец, отдельно стоит отметить язык работы Черкаев – это тот редкий случай, когда научная работа читается за пару вечеров с желанием поскорее закончить дела, чтобы обратиться к чтению вновь. Свободное владение обоими языками – русским и английским – в сочетании с опытом жизни в обоих культурно-экономических контекстах (неолиберализме и постсоциализме) способствует передаче тонких нюансов и полутонов в разговорах с собеседниками и анализе исторических источников.

Возвращаясь к вынесенному в эпилог работы призыву евангелиста к «приобретению себе друзей богатством неправедным» (Лука 16:9), отмечу, что ход рекламной кампании книги – открытки с ее обложкой – кажется удачно зарифмованным с ее содержанием. Отправляя открытки по почте или раздавая их гостям после встречи, читатель может укрепить или преумножить свои социальные связи и через это почувствовать себя строителем своеобразного «академического коммунизма».

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Golubev, Alexey. 2020. *The Things of Life: Materiality in Late Soviet Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Ledeneva, Alena. 1998. *Russia's Economy of Favours: Blat, Networking, and Informal Exchange*. New York: Cambridge University Press.
- Oushakine, Serguei. 2014. "Against the Cult of Things': On Soviet Productivism, Storage Economy, and Commodities with No Destination." *Russian Review* 73(2):198–236. <https://doi.org/10.1111/russ.10727>.
- Oushakine, Serguei. 2019. "Second-Hand Nostalgia: On Charms and Spells of the Soviet Trukhl-iashechka." Pp. 38–69 in *Post-Soviet Nostalgia: Confronting the Empire's Legacies*, edited by Otto Boele, Boris Noordenbos, and Ksenia Robbe. New York: Routledge.
- Yurchak, Alexei. 2006. *Everything Was Forever, until It Was No More*. Princeton, NJ: Princeton University Press.